

ЧЕРЕЗ МОЮ ГОСТИНУЮ ПРОШЛА ИСТОРИЯ

Nel mio salotto è passata la Storia

ВОЛЕЮ обстоятельств, по предопределению судьбы Марина Федоровна Шалапина, дочь гениального певца и артиста, прожила (или, можно сказать, пережила) несколько эпох, каждая из которых имела, по-моему, необорванный развития: начало, период утверждения, распад и конец. Они, словно массивные наплывы, наизыны на хрупкий ствол ее жизни, в которой были крутые падения, взлеты... жизни, порой напоминающей полет сорванного ветром листа. Сама она прямо не говорит об этом. Но стойкое ощущение непредсказуемости каждого предстало ей для не покидает зинамательного читателя интервью-воспоминаний, которые сегодня впервые публикуются в Советском Союзе. Матушья душа, жаждущая покоя и не нашедшая его — это у Марины Шалапиной отцовское и это — всемирное, в той или иной степени принадлежащее каждому.

Пословица гласит, что все вспоминать не надо. Шалапина в рамках отведенного ей места для разговора о жизни вспоминает такое, о чем другой человек, наверное, предпочел бы забыть. Но как, впрочем, отделить то, что слезало за бытием, от того, что — не надо? Поражает порой откровенность, открытость. Она предельно искренна даже в вещах, о которых другой, менее свободный внутренне человек постарался бы умолчать. Она очень легко рассуждает и судит... Достойно ли это? Недостаток?

Нам ее судьба интересна в первую очередь потому, что она — дочь гения, Шалапина. В том или ином направлении родителей. Пусть рядом качества и черт, пусть только одной чертой. Образ ее отца, олицетворяемый временем от наслоения лжи, теперь представляется совсем иным, чем даже десятилетие назад. Но тут же и крайность, тут же опасность — впасть в канонизацию часто противоречивого в мыслях и поступках человека, который был очень разным во всех своих проявлениях. Двойственность, противоречивость — тоже в Марине Федоровне его, коренное шалапинское. Значит, и то, о чем рассказывает Шалапина, будем судить с пониманием всех обстоятельств, которые формировали характер, стиль жизни, уровень осмысления ее.

Как жена одного из видных деятелей культуры Италии времен Муссолини, Марина Шалапина встречалась и поддерживала те или иные отношения с разными людьми, в том числе и такими, о которых у нас сложилось определенное мнение. Мы этих людей знаем по их делам, получившим суровую оценку истории, а она знала и видела их в быту, что еще больше подчеркивает контраст между бытовой благодушностью и чудовищностью общественных деяний.

Здесь, к сожалению, нет места подробно комментировать опубликованные в итальянском журнале «Эуропе» воспоминания М. Ф. Шалапиной — мы предлагаем их газетный, несколько сокращенный вариант. Но нельзя не заметить, что в них немало фактических ошибок. Скажем, известно — Шалапин был русским, но автор воспоминаний называет его «татаринном», очевидно, по месту рождения Шалапина — Казани. Для русской культуры такая ошибка, конечно, не имеет значения: давно и не нами отмечено — человек той национальности, культуру какого народа он исповедует. Талант Шалапина равно принадлежит каждой нации, каждому человеку и всему миру. Шалапин — всечеловек. И вот почему каждый стрих его биографии для нас дорог и ценен.

НА СНИМКАХ: Ф. Н. Шалапин с дочерью Мариной (слева) и Марфой, 1923 год; Марина Федоровна Шалапина, 1920-е годы.

— Где вы были, синьора Фредди, в тот момент, когда разразилась Октябрьская революция 1917 года?

— Я оказалась отрезанной на Кавказе, где я жила на даче. Мне удалось добраться домой, в Петербург, где жили в это время мои родители, но это произошло лишь год спустя, и мое путешествие туда длилось целых десять дней: я хорошо помню поезда, набитые людьми, сидящих на крышах, и прежде всего чудовищный хаос, трупы, лежащие на улицах. Большевики конфисковали все, что принадлежало моей семье, оставив только дом, в котором мы могли жить. Папа был вынужден в результате петть по два раза в день, чтобы получить мешок картошки или связку дров.

— Ваша прислуга осталась дома?

— А куда было ей деваться?

— Да, но ведь произошла революция...

— Но что они должны были делать? Они оставались по-прежнему с нами, по крайней мере они были сыты. Весь город был разрушен, все было закрыто: никаких лавок, никаких аптек. Я заболела туберкулезом, и поблизости не оказалось врачей, которые могли бы оказать мне помощь. Папа, который был членом Думы (русский парламент) и который хорошо знал Ленина, сумел пригласить к нам личного доктора Ленина Манухина. Он пришел, осмотрел меня и заявил, что мне осталось жить не более двух месяцев. И папа, и мама часто сидели на моей кровати возле ног, и выражение на их лицах было красноречивее любых слов. «Врач сказал, что я умру, не так ли? Успокойтесь, совсем я не умру, ерунда», — успокаивала я их.

— Как отзывались в вашем доме папа Шалапин об этих событиях, он, который был одним из любимцев толпы в дореволюционной России?

— Больше всего на него давило отсутствие свободы, невозможность сказать о том, что думаешь. Он находил абсурдным лозунг большевиков — «Война дворцам, мир хижинам». Нужно объявить войну хижинам, нищете, и довести их до высоты дворцов, — говорил он, — а не уничтожать целый класс, аристократию, которая может сделать очень многое для просветительства народа.

— Имел он какие-либо неприятности с политической полицией?

— Очень небольшие. Приходили иногда, чтобы что-то конфисковать, сделать обыск. Однажды ночью пришли и унесли с собой бутылки с вином; мой отец был вне себя от негодования; на следующее утро бутылки вернули. Мой папа был человеком, который видел в этом дурное слово, но он часто поминал Троцкого — верный признак, что он его не уважал. Он был большой друг Луначарского, комиссара просвещения, который часто приходил к нам: это был худой человек, с орлиным носом, с хорошо очерченным лицом. Именно он посоветовал отцу уехать из страны.

— Сколько вас уехало?

— Папа, мама, две мои старшие сестры, старший брат и младшая сестра. Мы уехали, можно сказать, в чужую мать родила. Маме удалось уберечь несколько драгоценностей, а папа увез свои сценические костюмы, среди которых знаменитая шуба Бориса Годунова, которая до сих пор хранится в одной из кладовок в моем доме. Мы прожили год в Лондоне, а

затем, в 1924 году, приехали в Париж, где наша гостиная вновь наполнилась цветом артистической жизни французской столицы.

— В Париж приехал в качестве эмигранта и Керенский, глава либерального русского правительства, свергнутого большевиками. Приходилось ли вашему отцу его встречать?

— Папа не любил Керенского. Он считал его трусом, который сбежал в нужную минуту.

— Во всей этой суматохе какие зрелые политические идеи сложились у вас в голове, молодой девушки и эмигрантки.

— Если говорить об этом, то я всегда находилась справа! Мне было пять лет, когда разразилась великая Революция... Конечно, мне нравится красота, праздничность, торжественность, а народ мне не нравится. Он нравится моей сестре Марфе, моей любимой сестре, с которой я постоянно спорюсь, так как она завязанная «левачка».

— Вы показали мне удивительные фотографии, на которых вы находитесь рядом с Артуро Тосканини, слушая какой-то концерт в Вене в 1935 году. Тосканини уехал из Италии, где фашисты с ним плохо обращались. И как вам удавалось быть в хороших с ним отношениях?

— Тосканини был одним из самых дорогих для меня людей; его дочь Уэлли — крестная мать моей дочери Анжели. Тосканини был абсолютным гением, само совершенство, но с ним мы не говорили о политике, так как, вероятно, из-за этого поссорились бы. В 1946 году, когда Тосканини вернулся в Милан, я пошла к нему, чтобы позвать его руку. Меня приняла Уэлли, которая была очень озадачена моим визитом: она опасалась, как бы ее отец не оскорбил подругу одного из главных руководителей фашистской культуры. «Подождите минутку в его кабинете, я пойду, посмотрю, в каком он настроении», — попросила она меня. И, вернувшись через несколько минут, сказала: «Идемте, папа сгорает от желания увидеть вас». Тосканини меня обнял. «Вот мое несчастье!», — Он меня всегда так называл. Он ненавидел курящих женщин, и однажды за столом заметил, что не понимает, как можно поцеловать в губы женщину, которая курит. «Маэстро, вы не можете судить, так как еще не поцеловали меня», — перебила я его. «Ты просто какое-то несчастье», — резко ответил он.

— Как произошло, что после Парижа и Вены вы оказались в Тиррении — городе, где летом 1936 года познакомились с Луиджи Фредди, своим будущим супругом?

— Я всегда испытывала пламенную страсть к Италии, к этой стране, где розы цветут и зимой. Моя мать не хотела, чтобы я туда ехала, опасаясь, как бы я не влюбилась в какого-нибудь итальянца. В Зальцбурге, где я проводила каникулы, я заложила свои часы и отправилась в Пицу, где мне предложили работу хореографа в фильме какого-то венгерского режиссера. Однажды нам сказали, что всех нас приглашают на ужин к главному директору киноматографии. Мы тут же поссорились: я обожала Элеонору Дьюз, а он отзывался о ней настолько плохо, что я вспылала и запустила в него цветком. Мне было тогда 24 года, а ему — 42.

— Это была ваша первая большая любовь?

— Да вы шутите! Свою первую великую любовь я испытала в трехлетнем возрасте, когда влюбилась в сына приятеля моего отца, юношу около тридцати. Я была настолько счастлива от этой любви, что каждый день распевала от счастья на террасе дома в одной крымской деревушке, где мы проводили всей семьей отпуск. Максим Горький, который в это время был у нас, очень этим развлекался и обращал на это внимание отца. В пять лет я влюбилась в шофера, грубейшего человека; в десять лет я буквально сохла по одному южноамериканцу, которому, насколько я помню, было около сорока и который окатил меня водой из ведра, настолько я ему надоела. В восемнадцать лет я влюбилась в Тито Скипу, который поцеловал мне руку и сказал: «Добрый вечер, мадам». Я кончала с одной любовью и тут же устремлялась к другой.

— Вернемся, однако, к любви к Луиджи Фредди...

— Шесть или семь месяцев спустя после нашей встречи в Тиррении Луиджи приехал в Париж, и я его пригласила на чай в наш дом. Он говорил мне о том, как хотел он организовать по-новому киноматографию, как хотел он, чтобы Италия стала великой, чтобы ее уважали во всем мире. Когда он ушел, я была влюблена по уши. Я растянулась вверх животом тут же возле двери, заложив руки за голову. «Михаил, свершилось чудо!», — повторяла я все время, обращаясь к одному из наших слуг, который должен был перепрыгнуть через меня, таская в комнату ужин. И, перескакивая через меня, он все время повторял: «Марина Федоровна, оставьте в покое чудо, ужин стынет!».

— Когда вы поселились в Риме?

— В 1938 году, вскоре после смерти отца. Я не могла жить с Луиджи, так как он еще был в браке, и мы не могли находиться под одной крышей. Он жил в отеле «Амбассадор», а я нашла домик на улице Маргутта... — Какой стал одним из самых знаменитых салонов Рима... — Да, здесь бывали все. Я поставила у себя большой монашеский стол, скамьи по обе его стороны, и тут места хватало для всех. Сюда приходили Налеаццо Джано, Дорис Дюрант, Анна Маньяни, Орсон Уэллес, Алессандро Блазетти, Паоло Монелли, Витторио Де Сика, как и Джиакомо Дебенетти, прекрасная Луиза Фериди и Освальдо Валенти... — Расскажите мне об Анне Маньяни.

— Она жила в доме 54 по улице Маргутта, а я в доме 48, и, следовательно, мы часто встречались по утрам, когда я выходила прогуливать свою собаку. Это была чрезвычайно интеллектуальная женщина и очень преданная. Даже после войны, когда Луиджи впал в немилость, мы вместе отмечали различные праздники. Большим нашим другом оставался и Витторио Де Сика.

— Из всех фашистских иерархов кто был лучшим другом вашего мужа?

— Алессандро Паволони, так как он был менее других фашистом, он обладал большим кругозором. «Он понимает все, что я ему говорю», — отзывался о нем Луиджи в те времена, когда Паволони стал министром. После сентября 1943 года во времена правительства Сало Паволони стал совершенно иным по отношению к тем, кто его называл «предателем», и испытывал к ним ненависть, которую только могут испытывать тоскани. — Когда вы познакомились с Иозефом и Магдой Геббельсами?

— В Венеции, не помню точно: то ли в 1939-м то ли в 1940-м. Позже они пригласили меня в Берлин, в свой дом, где я прожила один месяц. Геббельс был человеком неистовым, но таким неистовым, который удерживал все в себе и никогда не выходил за рамки приличия. Магда считала его непогрешимым и очень его любила. Должно быть, после Сталинграда, в начале 1943 года, когда русские наступали, я спросила у Магды: «А что вы будете делать, если победят русские?». Она провела меня к себе в спальную комнату, открыла ящик в тумбочке и показала мне шприцы с ядом: «Если выиграют войну русские, то это приготовлено для нас и для наших детей». — Что произошло с вашим мужем, ко-

гда был арестован Муссолини 15 июля 1943 года?

— На следующее утро он отправился в киногородок «Чинечитта», в котором он был президентом, и создал руководство. Произнес краткую речь, которую завершил такими словами: «Единственное выражение, которое мне приходит на ум, это первое выражение, которое я высказываю, когда считаю себя правым: «Да здравствует Италия!» Вскоре его арестовали и заключили в форт Бокеа, откуда его освободили немцы. В это время я жила в Монте Марио, и мне позвонили и сообщили, что Луиджи на свободе. Я тут же отправилась на машине туда, чтобы обнять его поскорее. Эудженио Долман сказал мне: «Можете его увести, но прежде ваш муж должен дать мне честное слово, что он явится в Сало, когда возникнет в этом необходимость». После этого я отправилась во дворец Веккинд, где находился Паволони, которого умоляла удерживать Луиджи подальше от политики. «Алессандро, ты посмотри, народ больше не может выдерживать фашизм, а вы идете напролом, прямо к гражданской войне». «Существуют такие моменты в истории, когда гражданская война бывает неизбежной», — ответил он мне.

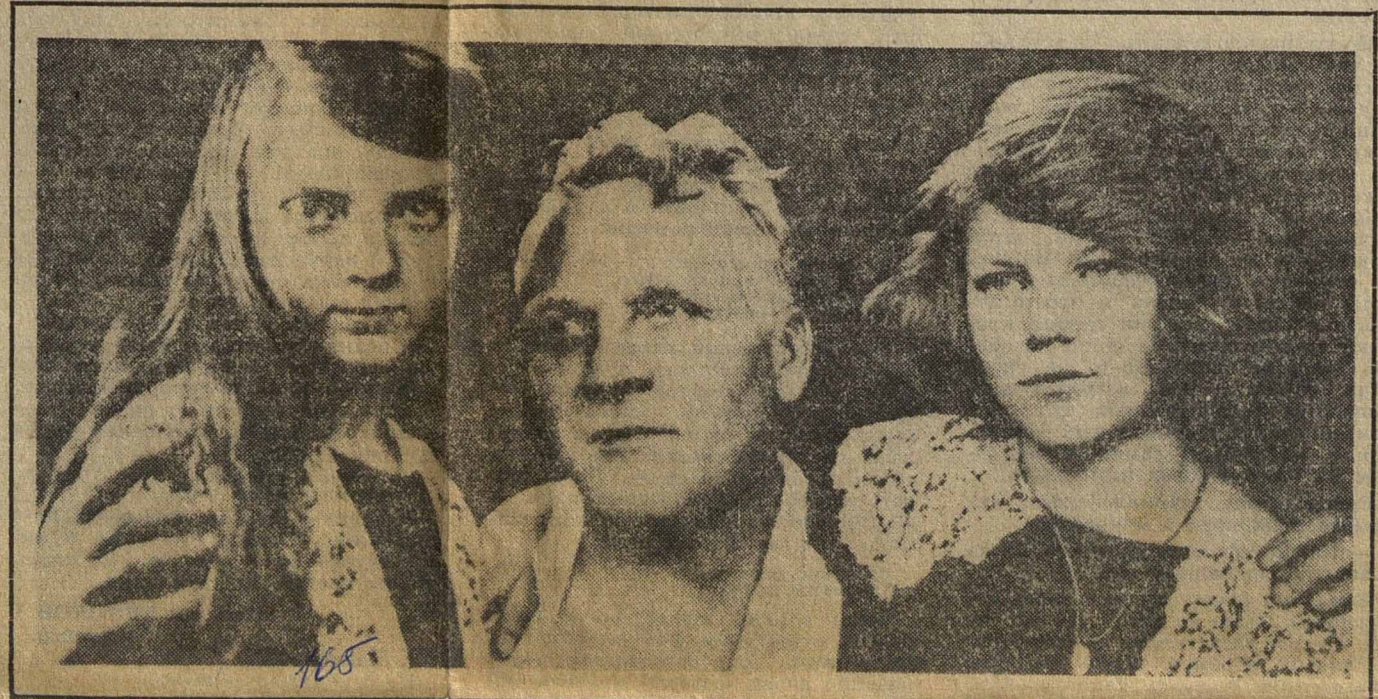
— После 25 апреля ваш муж был арестован? — Да, он находился в тюрьме почти целый год, и ему было предъявлено 64 обвинения: все они были отмечены при расследовании. И несмотря на это, только лишь за восемь месяцев до смерти, в 1978 году, ему была назначена государственная пенсия. На протяжении многих лет мы жили, продавая книги и антиквариат, а в те дни, когда приходилось продавать самые ценные для Луиджи книги, мой муж впадал в какую-то прострацию, казался совершенно другим человеком.

— Пытался ли когда-нибудь ваш муж понять, почему фашистская авантюра закончилась национальной катастрофой?

— Помню, как он мне говорил: «Где-то мы ошиблись, и за это приходится расплачиваться». Но «де именно они ошиблись, он так и не мог сказать. — Синьора Фредди, пришлось ли вам испытать самую большую боль в своей жизни? — Да, это смерть моего отца. — А самое большое унижение? — Жизнь с 1945-го по 1978-й рядом с человеком, чье сердце было разбито.

— В 1984 году останки вашего отца были возвращены в СССР. Как это произошло? — На протяжении многих лет советский режим настаивал на том, чтобы останки моего отца, который до сих пор остается каким-то мифом в СССР, покоились в него на Родине. В октябре 1984 года в Москве на кладбище состоялась церемония захоронения. Вместе со мной и тремя моими сестрами и братьями мы были очень хорошо приняты, нас повсюду возили на черном лимузине и выдавали ежедневно по двадцати рублей на расходы (40 тысяч лир). В нашем бывшем доме в Петербурге теперь находится музей памяти моего отца. Его директор приняла нас очень радушно и предложила нам выпить чаю в той комнате, которая когда-то была нашей гостиной. Наш дом превосходно отреставрирован, включая даже обои на стенах, которые остались такими же, как и прежде, как, собственно говоря, и мебель. Мне с сестрами казалось, что мы все еще в 1915 году. А, между прочим, жизнь давно перевалила за вторую половину...

— Что произошло с вашим мужем, ко-

гда был арестован Муссолини 15 июля 1943 года?

— На следующее утро он отправился в киногородок «Чинечитта», в котором он был президентом, и создал руководство. Произнес краткую речь, которую завершил такими словами: «Единственное выражение, которое мне приходит на ум, это первое выражение, которое я высказываю, когда считаю себя правым: «Да здравствует Италия!» Вскоре его арестовали и заключили в форт Бокеа, откуда его освободили немцы. В это время я жила в Монте Марио, и мне позвонили и сообщили, что Луиджи на свободе. Я тут же отправилась на машине туда, чтобы обнять его поскорее. Эудженио Долман сказал мне: «Можете его увести, но прежде ваш муж должен дать мне честное слово, что он явится в Сало, когда возникнет в этом необходимость». После этого я отправилась во дворец Веккинд, где находился Паволони, которого умоляла удерживать Луиджи подальше от политики. «Алессандро, ты посмотри, народ больше не может выдерживать фашизм, а вы идете напролом, прямо к гражданской войне». «Существуют такие моменты в истории, когда гражданская война бывает неизбежной», — ответил он мне.

— После 25 апреля ваш муж был арестован?

— Да, он находился в тюрьме почти целый год, и ему было предъявлено 64 обвинения: все они были отмечены при расследовании. И несмотря на это, только лишь за восемь месяцев до смерти, в 1978 году, ему была назначена государственная пенсия. На протяжении многих лет мы жили, продавая книги и антиквариат, а в те дни, когда приходилось продавать самые ценные для Луиджи книги, мой муж впадал в какую-то прострацию, казался совершенно другим человеком.

— Пытался ли когда-нибудь ваш муж понять, почему фашистская авантюра закончилась национальной катастрофой?

— Помню, как он мне говорил: «Где-то мы ошиблись, и за это приходится расплачиваться». Но «де именно они ошиблись, он так и не мог сказать.

— Синьора Фредди, пришлось ли вам испытать самую большую боль в своей жизни?

— Да, это смерть моего отца.

— А самое большое унижение?

— Жизнь с 1945-го по 1978-й рядом с человеком, чье сердце было разбито.

— В 1984 году останки вашего отца были возвращены в СССР. Как это произошло?

— На протяжении многих лет советский режим настаивал на том, чтобы останки моего отца, который до сих пор остается каким-то мифом в СССР, покоились в него на Родине. В октябре 1984 года в Москве на кладбище состоялась церемония захоронения. Вместе со мной и тремя моими сестрами и братьями мы были очень хорошо приняты, нас повсюду возили на черном лимузине и выдавали ежедневно по двадцати рублей на расходы (40 тысяч лир). В нашем бывшем доме в Петербурге теперь находится музей памяти моего отца. Его директор приняла нас очень радушно и предложила нам выпить чаю в той комнате, которая когда-то была нашей гостиной. Наш дом превосходно отреставрирован, включая даже обои на стенах, которые остались такими же, как и прежде, как, собственно говоря, и мебель. Мне с сестрами казалось, что мы все еще в 1915 году. А, между прочим, жизнь давно перевалила за вторую половину...

Публикацию подготовил
Максим ИВАНОВ.